



За чужими  
**окнами**

Читайте в серии книги  
***Ариадны Борисовой***



Манечка,  
или *Не спешите*  
*похудеть*

Когда  
*вырастают*  
*дети*

Весь апрель  
*никому не верь*

Хлеба *и чуда*

Повторите,  
пожалуйста,  
*марш Мендельсона!*

# Ариадна Борисова



Повторите,  
пожалуйста,  
*марш Мендельсона!*

сборник



Москва  
2016

УДК 821.161.1-32  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Б82

Оформление серии  
и иллюстрация на переплете *П. Петрова*

**Борисова, Ариадна.**  
Б82 Повторите, пожалуйста, марш Мендельсона :  
сборник / Ариадна Борисова. — Москва : Издатель-  
ство «Э», 2016. — 352 с. — (За чужими окнами. Проза  
М. Метлицкой и А. Борисовой).

ISBN 978-5-699-90255-2

«Бабуль, а после сорока лет любовь точно заканчивается?» —  
спросила двенадцатилетняя внучка Веру Георгиевну. И бабушке  
было что рассказать на данную тему. Она вышла замуж за идеаль-  
ного мужчину, которому можно простить всё, даже легкие влю-  
бленности и измены. Но вот беда — с некоторого времени Вероч-  
ка стала замечать, что идеальный мужчина все чаще смотрит в  
сторону ее же лучшей подруги, а страсти не затихают с годами,  
напротив, разгораются с новой силой, достигнув своего пика как  
раз годам к сорока...

В авторский сборник Ариадны Борисовой вошли рассказы  
и повести. Все они — о внутренней свободе, человеческих стра-  
хах и, конечно, о любви.

УДК 821.161.1-32  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90255-2

© Борисова А., 2016  
© Оформление.  
ООО «Издательство «Э», 2016

*Рассказы* 



# Черкашины

**Ф**илиал городской детской библиотеки, в которой Даша проработала четырнадцать лет (с пятью декретными отпусками), неожиданно закрылся, а другого места в централизованной библиотечной системе ей не нашлось. Два месяца Даша получала выходное пособие, затем, вопреки уговорам мужа, устроилась фасовщицей на молокозавод.

Монотонный труд невыносимо ее утомлял. Послеобеденные часы она выстаивала у конвейера на грани беспамятства, с онемелой поясницей и горячим клубком тошноты в горле, страшась вот-вот рухнуть на движущуюся ленту. И кто, скажите пожалуйста, придумал закон подлости — судьба или случай, или эта милая парочка действует заодно?

Впрочем, неважно. Важно, что по закону подлости Даша хлопнулась в обморок под ноги директору, когда он удостоил цех своим посещением.

На следующий день директор вызвал маломощную работницу в кабинет и предложил по-хорошему уволиться, поскольку производство терпит убыток из-за ее частых бюллетеней.

— А тут еще обнаруживаются ваши форс-мажорные обстоятельства, — укоризненно дополнил прозорливый руководитель.

Краснея от сознания собственного обмана, Даша беспрекословно написала заявление — ведь при найме она на самом деле скрыла и многодетность, и «форс-мажор», теперь уже рвущий пуговицы рабочего халата.

Уплыли надежды на причитающиеся по закону (не подлости) деньги. «Перетерпим», — утешал муж, но «бог-изобретатель», очевидно, вошел в экспериментальный раж и решил испытать выдержку Черкашиных на всю катушку: в воскресенье Кирилл повел детей на горку, поскользнулся с санками и умудрился сломать ногу. А вскоре начался бурсит локтя — выяснилось, что ушиб при падении. Накрылись, таким образом, благие намерения выполнять проектные заказы на дому.

Долгие больничные листы оплачиваются не в срок и не предполагают премиальных. Кирилл увещевал жену не бросаться в крайности, но Даша, залив уши воском упрямства, отправилась в Центр занятости.

Сочувствующая девушка выдала список приемлемых вакантных мест и предупредила:

— Вряд ли получится... Ну, попытка не пытка.

Пытка оправдалась в полной мере, будто сам рок неудачи расставлял впереди невидимые шлагбаумы. Дашу не взяли ни вахтером, ни почтальоном, а уборщицей ей не удалось стать аж в четырех конторах. По неписаным правилам начальство лгало,

не отказывая прямо, места оказывались либо уже заняты, либо вот только на днях сокращены по оптимизации штатов.

Меньшую, не вычеркнутую часть списка Даша отложила на завтра. «Не озлобляться, не озлобляться», — приказывала себе, чеканя шаг. Пора бы привыкнуть, что беременные не вызывают умиления у боссов, а многодетность считается синонимом благополучия даже у друзей.

Иногда Даше позванивали две бездетные подруги юности, не вылезавшие из заграничных кризисов. Разговор неизбежно заканчивался порицанием: «Кругом столько всего интересного, мир бесподобный, а ты засела в четырех стенах!» Понимая, что главной целью звонка было плохо завуалированное туристическими восторгами превосходство чайлдфри, Даша думала: между собой подруги, конечно, перетирают ее чадолюбивый выбор до мозга костей. Примерно так: «Жаль Дашку, погрязла в безденежье, торчит дома как прокаженная, но это же ни в какие ворота, чтобы в наше время без конца плодить и плодить нищету!»

Даша не кидалась в обидчивую патетику, не растрачивала на мелочи дорогие сердцу события, происходящие в «четыре-х стенах» ее трехкомнатной квартиры и несравнимые, разумеется, с богатыми на приключения странствиями. Приятельницы просто не поверили бы в реальность неослабного интереса Даши к жизням, которые она сама произвела на свет, — интереса, пятикратно превзошедшего все ее альфы и омеги. Дети были для нее свыше и свойственного

любому человеку эгоизма, и архаически устойчивой привязанности к единственному мужчине.

Порой Дашу, конечно, тоже обуревала жажда путешествий, по настроению хотелось личного праздника, двух-трех часов одиночества, но никогда, ни одного дня не желала она свободы от детей. Ни за какие посулы не приняла бы Даша такой свободы ради египтов-кипров-гаван. Напротив, свободно и комфортно она чувствовала себя только тогда, когда весь народ маленького мирка Черкашиных собирался вместе после работы, школы и детского сада вокруг нее, как вокруг оси Вселенной.

Безденежье? Да ладно! У них все есть. Квартиру они сами приобрели, на четверть с помощью архитектурного акционерного общества, в котором работает Кирилл. У них есть машина «Тойота Суксид» с вместительным багажником, а в позапрошлом году повезло купить шесть дачных соток со старым, но вполне добротным домом. Это первые годы супружества, пока усиленно расплачивались с долгами, спали на полу и сидели вместо стульев на ведрах возле покрытого клеенкой ящика-стола. Гости приходили, Кирилл укладывал на ведра доску — получалась скамейка.

Маринка помнит, как выстраивала книжные «города» в пустом зале. Высокие стопки книг стояли рядком у стен в ожидании стеллажей, недаром же мама была специалистом по библиотечной комплектации (вот именно — была)... Роскошные застекленные стеллажи «под дуб» украсили собой зал через два года к появлению Владика. Спустя четы-

ре из-за нашествия погодков Кости и Никиты мама с папой переехали из спальни в гостиную, повесили на стены детские рисунки и фотографии в рамках, а полки с книгами разместились по комнатам и заняли коридор.

С самого начала Черкашины договорились родить дочь и нескольких сыновей. Вышло как задумывалось, по поговорке «Один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — сын». Кирилл называл Маринку «приставочкой к сыну», баловал больше всех. Потом добавилась вторая «приставочка»...

Даша боялась известить сестру Алину, что счет на Сонечке не завершился.

...Студентке Алине исполнилось двадцать пять лет, Даше — пятнадцать, брату Тиме — двенадцать (как сейчас Владику), когда мамы не стало. Отец внезапно загулял с неприлично юной девицей и через год, измученный стыдом и страстью, рванул с достигшей совершеннолетия женой подальше от детей-подростков.

По-другому можно сказать и так, что отца выгнала из дома старшая дочь. Красный диплом как раз помог ей возглавить отдел на энергетическом предприятии, Алина безоговорочно взяла патронат над младшими и велела им забыть об отце. Запретила звонки и переписку, отказалась от алиментов...

Надо отдать Алине должное: она вырастила и выучила сестру и брата. Алина контролировала каждое их действие. Запрещала Тиме дружить со «спекулянтами», Даше — стричь косы и ходить в лосянах по тогдашней моде. Увидев однажды рядом

с сестрой неизвестного охламона в китайских штанах «Montana Sport» с лампасами, от злости была вне себя и не постеснялась при нем в выражениях этой злости. Помня, как испугалась тогда, хотя была почти взрослой, Даша потом запретила себе резкие слова в разговорах с детьми, даже если они провинятся.

Алина долго препятствовала Дашиному замужеству, смирилась лишь по окончании «охламоном» архитектурного института. Отстав наконец от Даши, обрушила всю сестринско-материнскую любовь на Тимофея. С удвоенной энергией принялась выдавливать из него тягу к презренной коммерции. Однако, захаживая изредка к Черкашиным, Алина по старой привычке вмешивалась во все дела — от воспитания до штопки. Не лезла разве что в интимные супружеские отношения, высокомерно соглашаясь со своим в этой сфере невежеством. Называла Дашу неумехой и тем не менее пеняла Кириллу: пора бы твоей половине поставить при жизни памятник в виде Шивы, как в одном лице повару, швее, медсестре, педагогу и психологу.

«Прачку забыла, — смеялась Даша, — носков — килограммы!» Смеялась, а сама потихоньку начинала себя жалеть. Наверное, она и впрямь одна из последних весталок, что находили счастье в раздувании очага в честь плодovitой богини.

Жалость к себе похожа на комариный укус — зудит нестерпимо, и чешешь, и чешешь... приятно... Но даже от умственных расчесов возникают плохо заживающие болячки, и Даша гнала вон надрывные

мысли о многоруком индийском боге с ее, Дашиным, истомленным лицом.

Она не знала, чем так сильно притягивали Алину Соединенные Штаты. А та не могла понять, на кой черт Даше большая семья, с которой где угодно хлопот не оберешься, да и не сбежишь никуда из вечно турбулентной России. Теперь Алина с Тимой живут в Кливленде, штат Огайо. Жена у брата испанка, в семье растет дочь, Тима торгует подержанными автомобилями и доволен. В общем, мечты сбылись у обеих сестер и брата.

Даша, честно говоря, рада больше не слышать напористого голоса сестры. Переписываются по Интернету, скайпа нет и не надо. Родственников отделяет друг от друга огромная дистанция, а также непонимание величиной в жизнь. Точнее, в пять детских жизней плюс шестая в чреве.

Как родится эта новая жизнь, ее сразу поставят в очередь на детский сад. Три года назад Черкашины припозднились с заявлением на место для Сонечки и присматривают за ней кто свободен или соседка тетя Фаида. Костя с Никитой в подготовительной группе, одному семь, второму без двух месяцев шесть, но пойдут в школу вместе.

Сонечка не знает тетю Алину, а мальчишки уже и не помнят. Даша показала им Америку на глобусе.

— А где мы сейчас на планете стоим? — спросил Никитка.

— Примерно здесь. — Даша вдруг почувствовала мизерность своей семьи на планете.

Сонечка сосредоточенно разглядывала нижнюю часть глобуса:

— Где тут сидит пластилин колец?

«Властелин колец», — сообразила Даша.

Вымысел и реальность перепутались в головенках младших детей из-за фильмов, а Сонечка постоянно чудит со словами. Вчера попросила почитать сказку о гомиках. Чуть не плакала: «Гомики, гомики!» Впавшая в легкий ступор Даша кое-как догадалась, что девочка хочет послушать сказку о гномиках и Белоснежке.

...Кстати, в тему о «гомиках». В классе Владика началась борьба с гомосексуальной пропагандой. Родители желают видеть в детях отчетливую гендерную идентификацию. Одна из мам с пафосом вспомнила на собрании, что человек — это звучит гордо (в смысле человек — не гей). От слова «гей» у детей должен выработаться рвотный рефлекс. Дурные книги — в топку, и «голубых-розовых» хорошо бы туда же!

О, как мы умеем... Все возбудились, заговорили, перекрикивая друг друга. Ничто не сплачивает народ крепче ненависти. Есть на чью кровь натаскивать мальчишек, и оправдание, в случае чего, есть: человек — это звучит гордо! «Не зарекайтесь, — хотелось сказать Даше, — а если ваш сын когда-нибудь признается: «Мама, я гей»?» и холодела: «А если один из моих?..»

Воинственная родительница спросила, что она думает по этому поводу. Даша пожала плечом. Промолчала.

Кто устанавливает границу, отделяющую подозрение в пропаганде гомосексуализма от права личности на человеческое достоинство? Нет таких определителей. Вот Алина, старая дева, возвела асексуальность в ранг добродетельной аскезы — и гордится. Ущерб принесла лишь собственному норову, но ведь и эта «непохожесть» опасна подражанием. Движение чайлдфри тоже не улучшает демографическую обстановку. Правда, население страны в геометрической прогрессии увеличивается за счет гастарбайтеров и беженцев... Кого еще в топку?

Интересно, а мать, многодетная мать — это звучит гордо?

Даша не может купить старшим детям хорошие телефоны, не до айпадов, какая тут гордость. Сложно объяснить, что наличие крутых гаджетов у одноклассников — возможно, мерило успешности их родителей, однако не всегда, — свидетельство счастья. Даша часто беседует с детьми о ценностях мнимых и настоящих, и в какую-то минуту ей самой кажется жалким ее романтический лепет на фоне все новых и новых реклам, новых лозунгов... новой ненависти и бессрочной нехватки денег.

Маринка отличница, в школе с ней нет проблем. Но Дашу беспокоит болезненная надменность, мелькающая на круглом по-детски лице дочери, когда та говорит «Я буду», «Я добьюсь», «Я знаю, что такое счастье». Гордость или гордыня? Или тревожные звоночки — предупреждение о родственной близости к неоднозначному характеру тети Алины?